

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА LANGUAGE AND CULTURE

В Год культурного наследия народов России

УДК 81 272

DOI: 10.37892/2713-2951-1-9-47-79

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мария В. Орешкина

Институт языкознания РАН,
Российская Федерация

В статье в свете теории языковых контактов исследуются проблемы лексического взаимодействия русского языка с тюркскими языками народов России и стран ближнего зарубежья, изучается роль и место заимствованной тюркской лексики в формировании русской языковой картины мира. Тесные многовековые связи русского народа с языками и культурами тюркских народов породили огромное количество тюркизмов в русском языке.

В статье дается характеристика состава и объема тюркизмов в современном русском языке, их классификация. Особое внимание уделяется вопросам соотношения языка и культуры, отражения в языке культурных ценностей, а также русской и инонациональной языковой картины мира.

Особой задачей автора является с лингвокультурологической («концептуальной») точки зрения изучение тюркизмов, представляющих собой культурные концепты в русском языке и отражающих национальные картины мира тюркских народов, а также выявление механизмов концептуализации тюркских заимствований в русском языке.

В статье в лингвокультурологическом аспекте рассматриваются культурные концепты, такие как «хлеб», «дом», «селение» и другие, наполнение их заимствованным из тюркских языков материалом, для сравнения привлекаются также заимствования из языков других народов России и стран ближнего зарубежья.

Ключевые слова: языковые контакты, язык и культура, лингвокультурология, лексические заимствования, тюркизмы, культурные концепты, языковая картина мира

LINGUOCULTUROLOGICAL DEVELOPMENT OF TURKIC BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Maria V. Oreshkina

Institute of Linguistics RAS,
Russian Federation

The article, in the light of the theory of language contacts, studies the problems of lexical interaction of the Russian language with the Turkic languages of the peoples of Russia and neighboring countries, and the role and place of borrowed Turkic vocabulary in the formation of the Russian language picture of the world. The close centuries-old ties of the Russian people with the languages and cultures of the Turkic peoples have given rise to a significant number of Turkisms in the Russian language.

The paper gives a description of the composition and volume of Turkisms in the modern Russian language, and their classification. Particular attention is paid to the issues of the

relationship between language and culture, the reflection of cultural values in the language, as well as the Russian and foreign language picture of the world.

A special task of the author is, from a linguoculturological (“conceptual”) point of view, to study Turkisms, which are cultural concepts in the Russian language, and reflect the national worldviews of the Turkic peoples, as well as to identify the mechanisms of conceptualization of Turkic borrowings in the Russian language.

In the linguoculturological aspect, the article considers cultural concepts such as “bread”, “house”, “village” and others are, filling them with material borrowed from the Turkic languages; borrowings from the languages of other peoples of Russia and neighboring countries are also used for comparison.

Keywords: *language contacts, language and culture, linguoculturology, lexical borrowings, Turkisms, cultural concepts, language picture of the world*

Общие замечания: лингвокультурологические аспекты языковых заимствований

В последние годы все большее внимание специалистов разного профиля, прежде всего, лингвокультурологов, привлекают проблемы соотношения языка и культуры, их взаимодополняющей роли в современном обществе, связи языка с социальным и духовно-культурным контекстом времени, отражения в языке культурных ценностей, а также прошлой и настоящей, «своей» и «чужой» картины мира.

Понимая под культурой систему ценностей того или иного сообщества, народа и одновременно, по определению словаря «Культурология. XX век» [Культурология..., 1997], совокупность «символических обозначений окружающего мира», культурологи, исследуя разные типы и виды культур, изучая основные параметры и фундаментальные характеристики культуры, пришли к убеждению, что «все человеческие культуры, несмотря на их разнообразие, имеют в основе своей много общего» и что «в целом человеческие культуры, несмотря на их историческое многообразие, будут обнаруживать в себе некоторые повторяющиеся черты» [см.: Антология..., 1977]. Однако для методологии лингвокультурологического познания существенным оказывается и другой вывод – о том, что «“ничейной” культуры или “культуры вообще” в принципе быть не может. Каждая культура воплощает специфический набор способов социальной практики какого-либо конкретно-исторического сообщества» [Культурология..., 1997].

Поиск методологии и путей осмысления особенностей национально-языковой картины мира того или иного народа или сообщества приводит лингвистов к обращению к понятийному аппарату культурологии, где они стремятся найти «всеобъясняющую парадигму».

Преследуя цель связать в системное целое разрозненные образы национальной культуры, бытующие в языке, лингвистика попыталась выработать единые понятийно-категориальные основания, при этом разными учеными, такими как Д.С. Лихачев,

Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая, В.Г. Костомаров, В.П. Нерознак, В.В. Воробьев и другими, были использованы логико-философские и лингвокультурологические термины: «концепт», «культурный концепт», «ключевой концепт», «метаконцепт», «макроконцепт», «микрoконцепт», «константа», «универсалия», «примитив», «архилексема», «логоэпистема» и др., с помощью которых отражается национальная картина мира во всех ее проявлениях и особенностях, или, по словам Д.С. Лихачева, «концептосфера» [Лихачев, 1999: 318] национального языка. «Контакты разноязычных литератур и культур, – пишет В.А. Виноградов, – служат важнейшим источником обогащения принимающей культуры, чья концептосфера получает порой компоненты, которые выдвигаются на передний план в развитии тем и мотивов многосложных метаконцептов» [Виноградов, 2010: 17].

Посмотрим, как определяет основные понятия «концепт» и «константа» акад. Ю.С. Степанов в фундаментальном исследовании «Константы. Словарь русской культуры»: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997: 4]; «Константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [Степанов, 1997: 76]. Следует отметить, что объем и содержание этих понятий до конца не определены, в научной литературе встречается разное понимание этих терминов.

«Лингвистов интересуют, – отмечает В.А. Виноградов, – в первую очередь языковые средства выражения (и хранения!) концептуального содержания; эти средства образуют поле концепта (концептуальное поле), и одной из главных трудностей является разграничение подлинных концептов и лексем – наполнителей концептуальных полей. Примечательно, что в контексте концептосферы гасятся связи, существующие между лексемами в языковой системе. В частности, синонимические ряды не сохраняются, т. е. концептуализация одного из членов этого ряда вовсе не означает, что тому же превращению подвергнутся и другие члены ряда» [Виноградов, 2010: 17].

Мы будем придерживаться следующего понимания термина «концепт»: **концепт** – это национально маркированный образ культуры, выраженный в слове.

Процесс взаимопроникновения лексики особенно характерен для языков народов, которые на протяжении веков соседствовали друг с другом и постоянно контактировали. В результате взаимодействия культуры и языка русского народа с культурами и языками других народов в русский лексикон в разные эпохи вошло достаточно большое количество иноязычных заимствований, которые «прижились» в языке и в русском сознании, осели в русском словаре. Примером могут служить контакты русского народа с тюркскими народами,

языки и культуры которых при всем их различии и расхождении во многом тесно переплелись. О таких этнокультурных и языковых схождениях еще в начале XX века писал в статье «Вавилонская башня и смешение языков» Н.С. Трубецкой: «Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то, что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием» [Трубецкой, 1999].

Процесс взаимодействия русского языка и русской культуры с языками и культурами других народов активно продолжается и в настоящее время. В русском языке появляются целые пласты новых заимствований, которые на начальном этапе вхождения в русский язык и русскую речь, как правило, носят окказиональный характер, и дальнейшая их судьба и приобретение ими определенного статуса в лексической системе языка зависят от многих лингвистических, социально-культурных, политэкономических и других экстралингвистических факторов, причин и условий их бытования. О новых заимствованиях в русском языке из языков народов России и ближнего зарубежья, появившихся в самые последние годы, исследователи уже пишут. В частности, стоит обратить внимание, например, на статью Н.Г. Колесник, которая посвящена новейшим украинским заимствованиям, – новоукраинизмам, в современном русском языке [Колесник, 2021]. Появляются и другие публикации, которые в большинстве своем посвящены новым заимствованиям из иностранных языков, и чаще всего из английского языка, англицизмам и американизмам, что имеет свои основания. Тем более особенно ценными являются работы, исследующие лексические заимствования из языков народов ближнего языкового окружения.

Перед лингвистами неизбежно встают вопросы. Как правильно осмыслить в количественном и в качественном отношении весь массив как традиционных, так и новейших заимствований? Что из него является важным и ценным для понимания чужой культуры? Все ли заимствованные слова выражают концепты другой культуры? Все ли они в равной степени отражают менталитет другого народа?

На эти и подобные вопросы культурологи отвечают так: распространение в какой-либо культуре новых понятий и реалий, «взятых из инокультурного опыта, не может быть признано позитивным или негативным, пока не станет ясно, какое именно воздействие оказали те или иные заимствования на глубинные качества культурной жизни данного народа» [Культурология..., 1997], насколько прочно они вошли в язык и представления о жизни данного народа.

Задача специалистов-лингвокультурологов состоит в том, чтобы из всего массива заимствований из каждого конкретного языка-донора отобрать в русском языке те заимствованные слова, которые репрезентуют концепты «чужой» культуры и которые в совокупности дают представление о национальной картине мира, о менталитете другого народа.

Такие концепты в литературе называют «базовыми», «фундаментальными», «национально-культурными», «национально маркированными», «ключевыми концептами», «национальными» концептами, или, как уже говорилось, «константами», а заимствования – концептуализированными или концептуальными, с помощью которых во многом формируется национальная картина мира определенного народа.

Рассмотрим подробнее вопрос о систематизации заимствованной лексики, что нам представляется важным и актуальным.

По характеру передаваемой информации иноязычные заимствования часто подразделяют на терминологическую, специальную лексику и культурно-историческую лексику. Первая группа иноязычной лексики, т.е. терминология, ассоциируется, прежде всего, с лексическими интернационализмами как «элементами межъязыковой общности», по выражению В.И. Кодухова. В.В. Акуленко в работе «Интернациональные элементы в лексике и терминологии» подчеркивает, что «традиционное понятие интернационализмов оказалось европоцентричным» [Акуленко, 1980: 13]. Далее В.В. Акуленко высказывает мысль о том, что все слова языка обладают переводимыми и непереводимыми, универсальными и идиоматическими семантическими признаками.

При разработке лингвострановедческой теории значения слова Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров слова второй группы назвали *безэквивалентными*, так как они, по их мнению, «в строгом смысле непереводимы» [Верещагин и др., 1983: 56]. Автор монографии «Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования» Е.В. Маринова предлагает более широкое понимание этого термина: «Термин *безэквивалентная лексика* активно используется в современной теории перевода, в лингвистической культурологии и в некоторых других областях научного знания, связанных с межкультурной коммуникацией, для обозначения экзотической лексики. <..> Однако представляется возможным использовать данный термин в более широком значении, в котором он выступает как коррелят термина *эквивалентная лексика*».

Безэквивалентную иноязычную лексику составляют слова, которые с точки зрения номинации являются единственными обозначениями денотатов – “безэквивалентных элементов культуры” (В.П. Берков). Такими обозначениями могут быть как лексемы, имеющие

экзотическое значение, – экзотизмы, или, по словам Г.А. Хабургаева, пассивные заимствования, так и лексемы с неэкзотическим значением, т.е. активные заимствования» [Маринова, 2008: 43].

Понимание безэквивалентных слов часто бывает затруднено из-за отсутствия знаний о называемых предметах и явлениях. Эти слова и составляют значительную часть культурно-исторической лексики. Они содержат в себе особые семантические признаки, называемые культурно-историческим, национально-культурным, национально-специфическим, страноведческим или этнолингвистическим компонентом, и широко отражают концепты иной культуры. Именно через эти национальные концепты, пришедшие из других языков, происходит восприятие «чужой» картины мира.

В современной науке не вполне достаточно разработан вопрос классификации заимствованной лексики, и тем более классификации концептов. Перед лексикологами и лингвокультурологами еще только стоит задача теоретического системного исследования иноязычной заимствованной лексики, ее функции и назначения в языке, а также создания добротной иерархической универсальной классификации этой лексики.

Ю.Д. Апресян в статье «Теоретическая семантика в конце XX столетия», подчеркивая современные подходы в языкознании, так обобщил свои наблюдения над лексической системой языка: «Современная семантика стремится представить в е с ь словарь в его основной части как сложную с и с т е м у единиц, организованную на основе относительно небольшого числа “сквозных” семантических признаков. Часто они специфичны для данного языка и отражают характерную для него цельную картину мира (ср. “образ мира по данным языка”))» [Апресян, 1999].

На сегодняшний день обзор научной литературы по иноязычной лексике показывает, с одной стороны, отсутствие единства в подходе к построению классификаций заимствований по типам, видам, классам и разрядам, а с другой стороны, несовершенство самих классификаций, так как они зачастую основаны на разных принципах и критериях. В качестве примера можно вспомнить традиционную классификацию иноязычной лексики по принципу ее освоенности в языке, предложенную немецкими учеными еще в начале XX века и достаточно долго господствовавшую в науке, – деление заимствованных слов на *Lehnwörter* (усвоенные слова) и *Fremdwörter* (иностранные слова). Этот метод подвергался критике разными авторами, например, О. Б. Шахраем в журнале «Вопросы языкознания», за смешение формального (освоение слов) и функционального (употребительность слов) признаков. «Однако взамен этой классификации не предложено ничего позитивного», – писал Л.П. Крысин в известной работе «Иноязычные слова в современном русском языке» [Крысин, 1968: 14].

В настоящее время распространено разделение иноязычных слов на: 1) заимствованные слова, то есть полностью усвоенные заимствования, 2) экзотические слова и 3) иноязычные вкрапления [Крысин, 1968: 45].

«Заимствованные слова представляют собой факты языка, – пишет Л.П. Крысин. – Иначе обстоит дело с экзотизмами и иноязычными вкраплениями... Употребление их обусловлено либо тематикой, необходимостью описания обрядов, быта, домашней утвари, обычаев, одежды и т. п. того или иного народа, той или иной страны (экзотизмы), либо степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи (иноязычные вкрапления)» [Крысин, 1968: 47]. В разных работах по заимствованной лексике эта классификация варьируется по количеству групп иноязычной лексики и по их терминологическому обозначению. К сожалению, прежняя ошибка – построение на разных основаниях – преследует и эту классификацию, кроме того, эта и некоторые другие встречающиеся в литературе классификации не являются исчерпывающими.

На подступах к единой классификации заимствований, на наш взгляд, первоначально следовало бы осуществить дробную систематизацию заимствований. Сначала должен быть составлен ряд разрозненных самостоятельных классификаций, осуществляемых по различным, но единым основаниям, которые в дальнейшем могли бы составить определенную систему. В качестве опорных, исходных пунктов этих частных классификаций заимствований предлагаются следующие основания:

1) по генетической принадлежности к языкам-источникам или к языковым семьям: индоевропеизмы (германизмы, англицизмы, славянизмы, русизмы и т.п.), монголизмы, арабизмы, тюркизмы и др.;

2) по широте распространения (употребления) в языках мира: интернационализмы, регионализмы, локализмы, окказионализмы;

3) по степени освоенности в заимствующем языке: полностью освоенные, частично освоенные, неосвоенные;

4) по структуре заимствованного слова: чужая (иноязычная) форма, смешанная (иноязычные + исконные элементы) форма (полукальки), родная (исконная) форма (кальки);

5) по способам передачи графического облика заимствованного слова: собственная графическая форма (иноязычные слова), чужая (иноязычная) графическая форма (иноязычные вкрапления);

6) по лексико-грамматическим классам: заимствованные имена существительные, имена прилагательные, глаголы, междометия и некоторые другие. В основном заимствуются

имена существительные, которые, в свою очередь, делятся на: апеллятивы (имена нарицательные: термины и нетермины) и неапеллятивы (имена собственные).

7) по наличию в семантике заимствованного слова национально-культурного или культурно-исторического компонента: экзотизмы, варваризмы, этнографизмы, ориентализмы и т. п.

8) по тематическим группам: апеллятивная заимствованная лексика представлена традиционными группами, связанными, прежде всего, с обозначением специфических для другого языка реалий и понятий (общественно-исторических, природных, культурно-бытовых и др.), неапеллятивная заимствованная лексика представлена также традиционными для ономастики группами (антропонимы, топонимы, гидронимы, этнонимы и др.).

9) по соотношению между заимствованными словами и культурными концептами, или по степени концептуализации заимствований в языке-реципиенте: заимствование – концепт, заимствование – не концепт.

10) по стилистической окраске заимствованных слов: экспрессивные (номинативные), неэкспрессивные (эстетические).

11) по степени лексикографической освоенности в заимствующем языке: полностью лексикографически освоенные, частично лексикографически освоенные, лексикографически не освоенные.

12) по времени вхождения в заимствующий язык: ранние (исторические, этимологические, старые), поздние (современные, новые).

Данный ряд систематического описания заимствованной лексики так же, как и его предшественники, не является закрытым и исчерпывающим; он может быть продолжен и усовершенствован. Однако его предлагается взять за основу для детализации и конкретизации.

В рамках данной темы мы не имеем возможности раскрыть содержание каждой классификации и проиллюстрировать их все. Обратимся за примерами к самой обширной и разветвленной классификации, каковой является тематическая (или лингвокультурологическая).

Она представлена базовыми, фундаментальными концептами и константами и обладает потенциальностью дать наиболее полную картину мира, демонстрирующую сложные и разнообразные контакты народов, их культур и языков.

На примере заимствований из тюркских языков в русском языке приведем фрагменты языковой картины мира по тематической классификации.

А п е л л я т и в н а я заимствованная лексика представлена, прежде всего, общественно-историческими концептами:

- обозначение социальной принадлежности, должностей, чинов (*бай, хан, сердар, раис, манан*);
- вида деятельности и рода занятий (*дежканин, чабан, мираб, бакши*);
- населенных пунктов, жилищ, различных построек (*аул, кишлак, караван-сарай, кибитка, юрта, чайхана, дувал, шипанг*).

Представляют особый интерес культурно-бытовые концепты тюркских народов, относящиеся к сфере дома и быта и дающие представление о традиционной жизни тюркских народов:

- обозначение предметов быта, одежды (*кошма, палас, мангал, бешмет, чапан*);
- домашней утвари, посуды (*дастархан, казан, кумган, тиала, хурджин*);
- музыкальных инструментов (*домбра, дутар, комуз*);
- блюд и напитков (*плов, чурек, кумыс, кок-чай, шербет, кебаб, лагман, шурпа, пахлава, халва, рахат-лукум*) и др.

Не а п е л л я т и в н а я заимствованная лексика – тюркизмы собственные – в художественных текстах представлена широко. Характерным является частотное употребление имен восточных поэтов-классиков, исторических, легендарных и мифических личностей и образов (*Лейла, Лукман, Махтумкули, Меджнун, Навои, Тамерлан, Тулпар, Фархад*).

Тюркизмы собственные делятся также на традиционные группы:

- а) антропонимы (*Ахмед, Карамолдо, Мамбет, Тимур*);
- б) топонимы (*Алатау, Алма-Ата, Дарбаза, Каракумы, Ташкент*);
- в) гидронимы (*Джейхун, Иссык, Сыр-Дарья*);
- г) этнонимы (*гоклен, казах, ногой*) и др.

Следует обратить внимание на особую роль антропонимов и топонимов в поэтике художественного произведения в плане выражения его национального своеобразия. Многие тюркские имена собственные концептуализируются в русском художественном тексте (ср. *Тимур, Тамерлан, Чингисхан, Лейла, Меджнун, Тулпар* и др.).

В целом, оценивая возможности систематического описания заимствованной лексики по иерархически выстроенным классам, типам и разрядам, следует учитывать тот факт, что при всякой самой строгой классификации границы между классами и разрядами заимствований в большинстве случаев остаются нечеткими и размытыми – таковы неотъемлемые свойства лексико-семантической системы языка, выражающиеся в ее открытости, незавершенности, динамизме.

**Иноязычные обозначения культурных концептов в русском языке:
«хлеб (хлебные изделия)», «дом (жилище)», «селение (поселение)»**

При изучении культурных концептов возникает множество проблем. Из них наше внимание привлекает проблема изучения концептов, составляющих национальную специфику языковой картины мира. В связи с этим В.П. Нерознак предлагает считать одной из важных фундаментальных задач исследования национальной картины мира установление корпуса, состава, репертуара национально-культурных концептов. «Практическим же следствием теоретической концептологии, – пишет автор, – должно стать лексикографическое описание концептов национальной культуры, т. е. составление словаря культурных концептов – концептуария» [Нерознак, 1997: 108]. Описание национально маркированных концептов русского словаря, включение их в различные словари русского языка и, наконец, составление специального словаря национально-культурных концептов, отражающих как национальную картину мира русского народа, так и национальные картины мира других народов в русском языке, – насущная задача языкознания, которая ждет своего решения и над которой мы работаем в своих исследованиях.

Обращаясь к проблеме описания национально-специфических концептов русской языковой картины мира, мы неизбежно сталкиваемся с присутствием инациональной культуры в этой картине. Это вполне естественно, так как в результате взаимодействия культуры и языка русского народа с культурами и языками других народов, особенно тех, которые на протяжении веков соседствовали с русскими, возникали процессы взаимопроникновения элементов культуры и языка. В русский лексикон в разные эпохи вошло значительное количество иноязычных заимствований, которые «прижились» и в языке и в сознании, осели в русском словаре.

Рассмотрим один из фрагментов русской языковой картины мира, который представлен базовым концептом «хлеб» (хлеб – древнее заимствование из герм. языков).

Ю.С. Степанов, посвятивший концепту «хлеб» обстоятельную статью в своем словаре, начинает ее с традиционного понимания этого базового концепта: «**Хлеб.** – Хлеб, “хлебушко” – в теперешней России все еще, как и в старые времена, основной продукт питания... Хлеб у русских – больше, чем пропитание, он – символ пропитания. Вот и сейчас часто говорят, например, *Картошка – наш второй хлеб*. Во Франции, в Испании нищие просят “на чашечку кофе”, у нас – “на кусок хлеба”... Но как концепт, “хлеб” надо понимать в его первом значении – “главный пищевой продукт человека, из муки пшеницы или ржи”...» [Степанов, 1997; Степанов, 2001: 284–285]. Однако дальнейшие рассуждения и материал автора показывают, что хлеб является не только основным продуктом питания русского и многих

других народов мира. «Понятие хлеба как главной пищи в индоевропейской культуре связано и с более общими понятиями “распорядителя благ” – “хозяина” и даже “бога”», – пишет Ю.С. Степанов [Степанов, 2001: 291]. Такое более широкое, чем просто продукт, выпекаемый из муки, понимание хлеба в русской народной традиции подтверждает и фрагмент из большой словарной статьи о хлебе В.И. Даля: «**Хлеб...** Всякая пища человека, харчи, продовольствие... *Заработать на хлеб. Жить на своих, на хозяйских хлебах. Свой кусок хлеба, достаток. // Все вообще насущное, житейские потребности. Дать кому хлеб, обеспечить доход. Отнять у кого хлеб, лишить места или промысла, способов жизни. Хлеб наш насущный. Наш хлеб трудный. Хлеб животный, Спаситель, вера в него и жизнь по нему; пища духовная. Богородицын хлеб, просвира, вынимаемая в честь Ея*» [Даль, 1882, т. 4: 568].

В концептосфере любого национального языка концепт «хлеб» занимает одно из центральных мест. Покажем это на примере культурных традиций таджикского народа. «В таджикской семье дети воспитываются в духе уважения к хлебу. На дастархан, прежде всего, кладется хлеб, потом другие яства. Хлеб ломают двумя руками и кладут, прежде всего, гостям, потом себе. Нельзя резать лепешку ножом, нанося ей боль. Заметив хлебные крошки на земле, ребенок обязательно должен поднять их и положить там, где на них нельзя будет наступить. Самая ответственная клятва после клятвы Богом есть клятва хлебом. Все это есть символ уважения по отношению к хлебу как к источнику жизни» [Латифов, 2006, вып. 10: 288].

Однако, несмотря на очевидную важность самого объекта исследования – концепта «хлеб», эта тема слабо разработана в лингвистической литературе. Это отмечает в своей диссертационной работе, посвященной концепту «хлеб», В.П. Синячкин [Синячкин, 2002], и М.М. Валенцова в статье «Терминология хлебов в календарной обрядности чехов и словаков. Типы мотивации»: «...Терминология же хлебов активно стала изучаться лишь в последнее десятилетие в рамках этнолингвистического направления... В целом же названия хлебов, хлебных изделий, выпечки специально не собирались и не исследовались» [Валенцова, 1999, вып. 13: 99].

В концептосфере русского языка концепт-константа «хлеб» занимает особое положение. Если представить его в виде схемы, объединяющей как исконные, так и заимствованные наименования разновидностей хлеба, то сама архилексема «хлеб» будет располагаться в центре, в ядре семантического поля. На орбитах вокруг ядра с большей или меньшей степенью удаленности будут вращаться все иноязычные термины, обозначающие хлеб (хлебные изделия), в их лексических параллелях из разных языковых культур, в данном случае взятых нами из близкого языкового окружения. Само же ядро концепта «хлеб», состоящее из русских наименований, также неоднородно и включает в себя несколько русских терминов обозначения

видов хлеба: *ситник, калач, каравай, пирог, черный, ржаной, обдирный, белый, булка, буханка, баранка, сдоба, плетенка, пышка, плюшка* и т.д. Теперь назовем термины, обозначающие хлеб, взятые из ближнего языкового окружения: *лаваш* (из азерб., арм., груз., туркм.), *чурек* (из азерб., туркм.), *матнакаш* (из арм.), *маца, хала* (из др.-евр.), *бублик* (из укр.), *нон* (из тюркских языков), *мчади* (из арм., груз.), *сайка* (из эст.), *жайнан* (из казах.). К слову сказать, каждый из названных здесь микроконцептов или компонентов концепта «хлеб» заслуживает самостоятельного исследования, специальной оценки и отдельного описания.

Можно изобразить этот материал в виде таблицы (см. табл. 1), отражающей репертуар концепта «хлеб».

Таблица 1.

ХЛЕБ (ХЛЕБНЫЕ ИЗДЕЛИЯ)		
Исконные наименования хлеба	Заемствованные наименования хлеба	
	национальные названия хлеба	языки-источники (языки-доноры)
баранка	бублик	укр.
калач	жайнан	тюрк. (казах.)
обдирный	лаваш	азерб., арм., груз., туркм.
плетенка	матнакаш	арм.
плюшка	маца	др.-евр.
пышка	мчади	арм., груз.
ржаной	нон	тюрк.
сдоба	сайка	эст.
ситник	хала	др.-евр.
	чурек	тюрк. (азерб., туркм.)

Архилексема «хлеб» как заглавная единица будет располагаться и над заимствованными, и над исконными наименованиями разновидностей хлеба. Первый столбец таблицы включает в себя несколько русских терминов обозначения видов хлеба: *ситник, калач, ржаной, баранка, сдоба, плетенка, пышка, плюшка, обдирный* и т.д. Во втором столбце таблицы помещаются заимствованные термины, обозначающие хлеб: *лаваш, чурек, маца, хала, матнакаш*, в их лексических параллелях из разных языковых культур, в данном случае из близкого языкового окружения: азерб., казах., туркм. и т. д. (см. третий столбец табл. 1).

Можно привести пример с концептом «хлеб» из работы С. К. Бирюковой «Словарь культуроведческой лексики русской классики. По литературным произведениям школьной программы» [Бирюкова, 1999], который содержит этнокультуроведческую лексику, «национально-характерные» слова художественного произведения, играющие значительную роль в познании культуры, быта, религии, психологии разных народов. Это этнографизмы как

исконно русские, так и иноязычные («зипун», «кацавейка», «бадья»; «бурка», «сакля», «бельведер», «боливар»), историзмы («аршин», «атаман», «барщина», «стряпчий», «кесарь», «мюрид»), устаревшие слова («басурман», «житница», «управа»), религиозная лексика («алтарь», «кутья», «хоругвь»), мифологическая и античная лексика («ведьма», «леший», «домовой»; «аврора», «грация», «марс», «фемида»).

Приводим словарную статью «хлеб» в сокращении:

ХЛЕБ, -а, мн. хлебы и хлеба, м.

1. Только ед. ч. Перен. Разг. Средство к существованию, заработок.

С дедушкой этим, Минаем,

Я уж лет тридцать знаком:

Оба мы хлеб добываем

Литературным трудом.

(Н. Некрасов. Песни о свободном слове.)

2. Только мн. ч. Пища, пропитание.

Жалование тоже получаю маленькое. Три рубля в месяц, а хлеба нынче пошли дорогие.

(А. Писемский Тысяча душ.) [Бирюкова, 1999: 238].

Приведем примеры словарных статей с заглавными словами **лаваш** и **матнакаш**, обозначающими национальные разновидности хлеба, из разрабатываемого нами Словаря заимствований из языков народов России и ближнего зарубежья.

ЛАВАШ 1, 3, 7, 10, 13, м. Плоский пшеничный пресный хлеб в виде больших лепешек; национальный вид хлеба. | См. также МАТНАКАШ, ЧУРЕК. «А женщины хлопчут у *тамдыра*, пекут на дорогу лаваш»* (Ч. Аширов. Следопыт); «Чад жареной баранины подымался к небу из походной кухни и смешивался с запахом лаваша и лилового вина Изабелла» (К. Паустовский. Колхида); «Предпраздничная суета стояла в доме Павле. Женщины пекли лаваша»* (А. Эристави-Хоштария. Игра судьбы); «Армянский хлеб лаваш – довольно популярный вид хлебных изделий» (Неделя, 1983, № 29). // прил. **лавашный** 13, **-ая, -ое**. «Над базаром клубились густые запахи пищи: ...жирной баранины, лука, пресного лавашного теста» (Б.Л. Горбатов. Донбасс).

– БАС, МАС, СВОД: лава'ш, лава'шный; МАС–2, ОС, СО, ОЭ: лава'ш; Шип., Наз., Гол., Гальч., Мус.-Шел.

= Тюрк, (азерб., туркм.), картв. (груз.), арм.

– Ор. 102, 107

МАТНАКАШ, м. Национальный вид хлеба. «Хлеб, будь то матнакаш, *лаваш* тонкий, *догик* – в Армении., *чурек* – в Азербайджане., *жайнан* – в Казахстане; наконец, пшеничный

простой, который едят везде, – для жителя нашей страны имеет куда большее значение, чем, скажем, для западного европейца» (Э. Федин. Что делать с черствым хлебом?).

= Арм.

– Ор. 89.

Приведем примеры базовых концептов «дом» и «селение» (для краткости в виде таблицы, см. табл. 2 и табл. 3), которые также имеют в русской языковой картине мира свое иноязычное воплощение.

Таблица 2.

ДОМ (жилища, постройки)	
Заемствованные наименования	
Названия	Языки
Амбар	тюрк. (тат.)
Балаган	тюрк. (тат., башк., каз., кирг., туркм., узб., уйг.)
Глхатун	арм.
Дарбази	груз.
Духан	тюрк., кавк.
Иглу	эск.
Караван-сарай	тюрк.
Кибитка	тюрк. (тат., башк., уйг., туркм.), монг.
Курень	тюрк., укр.
Лачуга	тюрк. (тат., кирг.)
Рига	финно-угорск. (эстон.)
Сакля	груз., ингуш., тюрк.
Сарай	тюрк. (тат., кирг., тур., уйг., каз.)
Ураса	тюрк. (якут.)
Хата	укр., белорус. (от перс.)
Чайхана	тюрк.
Чум	финно-угорск. (коми), тунг.-маньч. (эвенк.)
Шалаш	тюрк. (тат., тур., туркм., узб.)
Шатёр	тюрк. (казах., тур.), иран. (перс.)
Юрта	тюрк., монг.
Яранга	финно-угорск. (коми), чукот.-камч. (чукот.)

Посмотрим словарные статьи (в сокращении) *юрта* и *сакля*, отражающие этнографическую заимствованную лексику концепта «дом», из словарей Р.А. Юналеевой и С.К. Бирюковой:

ЮРТА. *Переносное (обычно конусообразное) жилище из жердей, крытое шкурами, войлоком и т.п., у некоторых кочевых народов Азии.* Но, Ксения Васильевна, мы живем не в юртах, не в кибитках, не в шатрах. *Островский А.Н., 9» [Юналеева, 2005: 362].*

САКЛЯ. *Жилище кавказских горцев, хижина, землянка.* В большом ауле, под горою, Близ саклей дымных и простых, Черкесы поздною порою Сидят <...> *Лермонтов, 2»* [Юналеева, 2005: 187].

Таблица 3.

СЕЛЕНИЕ (населенные пункты, территориально-административные единицы)	
Заемствованные наименования	
Названия	Языки
Аал	тюрк. (тувин.)
Аил	тюрк. (алтайск., кирг.), монг.
Аймак	монг. (бурят., калм.), тюрк. (алт., башк.), тунг. – маньчж.
Апилинка	литов.
Аул	тюрк., кавказ.
Даба	груз.
Кишлак	тюрк.
Махалля	тюрк. (узб.), иран. (тадж.)
Табор	тюрк. (тур., крым.-тат., чагат.)
Улус	тюрк. (якут.), монг. (бурят., калм.)

САКЛЯ, -и, ж. От груз. «сахли» – дом. Русское название жилища кавказских горцев.

Под влажной буркой, в сакле дымной,

Вкушает путник мирный сон.

(А. Пушкин. Кавказский пленник)

Тут открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посередине трещал огонек, разложенный на земле <...> *** Сакли бывают каменные, глинобитные или из саманного кирпича [Бирюкова, 1999: 204].

Словарные статьи (в сокращении) *аил*, *аул* и *улус*, отражающие этнографическую заимствованную лексику концепта «селение», взяты из словарей З.С. Шеломенцевой [Шеломенцева, 1971] и Р.А. Юналеевой [Юналеева, 2005].

Аил (аул), а, м. (кирг. айыл). 1. Низшая административно-территориальная единица, горное селение. – Поговорил с колхозниками, поинтересовался делами, расспросил нас о жизни, а вечером многие жители аила собрались у меня в кибитке (Самохин, Кровью сердца, стр.70). 2. Становище – до революции и сразу после революции небольшая группа юрт, хозяйства которых были объединены родственными отношениями. Они вместе зимовали, вместе откочевывали на летние пастбища. – Аилы разбили свои юрты в тех же лощинах, что и в прошлые годы (Сыдыкбеков, Среди гор, кн. 1, стр. 3). – Где мой род, мой народ, мой аил?

(Токтогул, Тяжкие испытания, стр. 24) <...>» [Шеломенцева 1971: 19].

«АУЛ. Деревня, селение, поселок. <.. .> *Утих аул на солнце спят У саклей псы сторожевые <...>* (Пушкин, 3)»; «АУЛ. Деревня, селение, поселок. *На восход и на закат – всё такие же горы, кое-где аулы дымятся в ущельях <...>* (Л. Толстой, 10)»; «АУЛ. Деревня, селение, поселок; оседлое или кочевое сборище жилищ. *Отправился Бухарбай странствовать по степи, из аула в аул, от одного колодца к другому <...>* (Мамин-Сибиряк, 10)» [Юналеева, 2005: 68, 419, 576].

«УЛУС. Становище кочевников, табор юрт, кибиток; аул, селение. *В улусе живет до несколько сот, даже до тысячи и более человек* (Гончаров, 3)»; «УЛУС. Аул, селение; деревня, район. *Стенька прислал повинную и принял указ государев, которым призывали его в отечество с тем только, чтобы он жил смирно; но, привезенный в Астрахань, бежал оттуда на Дон и снова появился на Волге, завладел в стороне царицынской многими калмыцкими и татарскими улусами осадил город Царицын и, подкупив гарнизон, состоявший из стрельцов, вошел в оный и убил воеводу Петра Турчанинова* (Писемский, 9)»; «УЛУС. Аул, селение; деревня, район. *Теперь на месте сведенных лесов ковром расстилалась бесконечные пашни, и бывшие башкирские улусы и пастбища поражали своим унылым, русским видом* (Мамин-Сибиряк, 3)»; «УЛУС. В России административно-территориальная единица типа русской волости у бурят, калмыков и якутов. *Якуты, вообще говоря, народ очень добродушный, и во многих улусах принято, как обычай, оказывать новоприбывшим поселенцам довольно существенную помощь <...>* (Короленко, I)» [Юналеева 2005: 166, 320, 617, 665–666].

Приведем образец словарной статьи **махалля** из разрабатываемого нами Словаря заимствований.

МАХАЛЛ'Я 4,5,6,14 (махал'я₁₄, махалла₁₄, маххалля₁₄), ж. и м., измен. и неизмен. Название городского квартала в Узбекистане и Таджикистане. «И в бою душа к тебе стремится Махалля твоя, твой милый дом» (Уйгур. Избранное); «В Самарканде в махалле Чорраха было три *чайханы*» (Комс. Таджикистана, 20 июня 1978); «Убирайся из нашей махалли... От твоих мерзких пересудов нет житья в махалле» (Литературный Узбекистан, 1937, № 3); «Таня только вздохнула – что ей было сказать на это? Потом спросила: – А вы что знаете ее? – Конечно, знаю, мы с ней из одного маххалля» (К. Симонов. Солдатами не рождаются); «В современном понимании в Узбекистане и среднеазиатских республиках бывшего СССР под махалл'ей, как правило, понимается традиционный социальный институт общинного типа или квартальная форма организация общественной жизни. То есть это квартал или микрорайон, жители которого осуществляют местное самоуправление путем выбора комитета махалли и его председателя, решающих вопросы организации быта и досуга жителей своей махалли, а также

несущих ответственность перед вышестоящими органами городского управления за обеспечение правопорядка в своей махалле» (См. на сайте: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/101004>) // сущ. махалл'инец, ж. махалл'инка, мн. махалл'инцы. «Если уж кого из махаллинцев не жалует, то и разговаривать с ним вовсе не станет» (Мирмухсин. Сын литейщика) // прил. махалл'инский, -ая, -ое.

– СЭС: махалла, махаля; СВОД: махалла; Мирт., Хал., Ор.

= Тюрк, (узб.), иран. (тадж.) (из араб.) [Орешкина, 1994: 107–108].

Следует отметить, что приведенные лексические параллели концептов «хлеб», «дом», «селение» и им подобные, условно называемые межъязыковыми эквивалентами или межъязыковыми синонимами, таковыми по сути своей не являются, так как при их восприятии в сознании возникают разные понятийные ассоциации, соответствующие разным формам национального представления о сущностях и явлениях действительности. Еще Л.В. Щерба в работе «О понятии смешения языков» писал, что «слова разных языков, даже для более или менее тождественных понятий, часто бывают различны по своим вторичным ассоциациям» [Щерба, 1958, т. 1].

Нам представляется перспективным изучение национального аспекта культурных концептов, на этом пути откроются новые стороны и грани далеко еще до конца не познанного, но интересного явления концептосферы русского языка.

Слова-концепты, характеризующие приметы материальной и духовной культуры другого народа, репрезентируют в русском языке национальную картину мира этого народа. Учитывая русский менталитет, «общежителность и переимчивость» русского языка, которую отмечал и подчеркивал А.С. Пушкин, можно определенно высказать мнение, что инонациональные концепты органично входят в русскую языковую модель мира, в которой одновременно сосуществуют, дополняя друг друга, национальные языковые картины мира разных многочисленных народов, тем или иным образом вступивших в контакт с русским народом. Русский язык в современном мире и в его современном состоянии ярко демонстрирует гуманистический принцип культуры многонациональных сообществ: «Единство в многообразии».

О концептуализации иноязычных заимствований в русском языке

«Заимствование представляет собой универсальное лингвистическое явление», – пишет Э.Ф. Володарская, автор многих работ по проблемам заимствования [Володарская, 2001, № 1(7): 11]. С этим нельзя не согласиться. Более того, это положение можно трактовать и шире. В определенном смысле языковое заимствование – это универсальное и

социолингвистическое, и лингвокультурное явление, не только участвующее в процессах интернационализации мировой культуры, но и способствующее лучшему взаимобщению и взаимопониманию многих народов в языковой и культурной сфере.

В эпоху глобализации, в которую мы живем, интенсивный обмен информацией и культурными ценностями привел в движение целые пласты лексики контактирующих языков. На первый план выдвинулись проблемы интернационализации лексики (в основном за счет заимствований технической и иной терминологии англо-американского происхождения), а также общие проблемы заимствований, которые рассматриваются исследователями в самых разных аспектах.

В новых лингвистических дисциплинах, когнитивной лингвистике, концептологии, лингвокультурологии и подобных, в которых активно формируется категориально-понятийный аппарат, уточняются основные единицы терминологических систем, их соотношение и дифференциация, большое внимание уделяется проблемам иноязычных лексических заимствований, культурных концептов и языковой картине мира.

Рассмотрим основные понятия нашей темы «заимствование» и «концепт», как взаимосвязаны и как противопоставлены они в языке и культуре. Известные основополагающие работы С.А. Аскольдова «Концепт и слово» (1928) [Аскольдов, 1997], Д.С. Лихачева «Концептосфера русского языка» (1991) [Лихачев, 2006], Ю.С. Степанова «Концепт» [Степанов, 1997], В.З. Демьянкова «Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке» [Демьянков, 2001], Ю.Л. Воротникова «“Языковая картина мира”: трактовка понятия» [Воротников, 2006], З.Д. Поповой, И.А. Стернина «Концепт и значение» [Попова и др., 2007], Ajdukovich J. «About notion “transconceptualization”» [Ajdukovich, 2008] и других авторов с большой полнотой раскрывают соотношение трех близких по значению терминов: **понятие – слово – концепт**.

При более пристальном рассмотрении двусторонних связей «слова» и «концепта» предмет исследования можно разделить на две части в зависимости от того, какое слово будет вступать во взаимоотношение с концептом – «свое» или «чужое», исконное или заимствованное. С учетом существующей в языке оппозиции «свое – чужое» соотносительные пары «слово исконное – концепт» и «слово заимствованное – концепт» требуют отдельного рассмотрения.

В лингвистической литературе существует множество толкований этих понятий. Мы придерживаемся следующих определений.

Под **заимствованием** мы понимаем иноязычные лексические единицы или другие элементы чужого языка, перенесенные из одного языка в другой в результате языковых и культурных контактов, вошедшие в систему или употребляемые в речи принимающего языка,

для выражения новых понятий, дифференциации уже имеющихся и обозначения ранее неизвестных предметов и явлений. Заимствование – это результат культурного и языкового взаимодействия двух народов, с одной стороны, а с другой стороны, заимствования – это слова, за которыми стоят или общественно важные понятия, или национально маркированные образы, которые не просто отсутствуют в принимающем языке, а обладают концептуальной характеристикой, важны для понимания менталитета другого народа, который и передает свои слова в язык-приемник как маркеры своей культуры, то есть как культурные концепты.

Концепт – понятие комплексное, относящееся к разным смежным наукам. «Проблема соотношения и взаимосвязи языка и культуры, культурного явления и его языкового обозначения сохраняет свое общенаучное значение в лингвистике, оставаясь, по сути, междисциплинарной» [Шаклеин, 1997: 5].

Следует отметить, что объем и содержание этого понятия до конца не определены, в научной литературе встречается разное понимание того и другого. При этом авторы подчеркивают, что **концепт** – это единица концептологии, культурологии и/или лингвокультурологии, имеющая языковое выражение (слово-концепт) и содержащая национально-культурный, культурно-исторический, этнокультурный, страноведческий или другой подобный компонент.

Ранее мы уже отмечали, что разные ученые, такие как Н.С. Трубецкой, С.А. Аскольдов, А.Вежбицкая, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.Г. Костомаров, Й. Айдукович, В.П. Нерознак, В.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников, Е.М. Верещагин, В.З. Демьянков, В.В. Воробьев, Е.А. Морозкина, А.К. Сулейманова, Ф.Г. Фаткуллина, Ф.Г. Хайруллина и другие, используют для понятий концептологии логико-философские и лингвокультурологические термины «концепт», «культурный концепт», «лингвокультурный концепт», «национально-культурный концепт», «ключевой концепт», «базовый концепт», «фундаментальный концепт», «национально маркированный концепт», «инокультурный концепт», «метаконцепт», «макроконцепт», «микроконцепт», «концептуализация», «трансконцептуализация», «контактоконцептема», «контактолексема», «константа», «универсалия», «примитив», «архилексема», «контактолексема», «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема», «языковая картина мира», «наивная картина мира», «концептосфера» и другие, с помощью которых отражается национальная картина мира данного народа.

«Сам факт обостренного интереса языковедов к проблемам, так или иначе связываемым с картиной мира, свидетельствует о том, что этим выражением обозначается нечто относящееся к основам, определяющее сущность языка, а точнее – воспринимаемое как определяющее его сущность “сейчас”, т. е. на современном этапе развития науки о языке

(возможно, впрочем, что и “здесь”, т. е. в науке “западного” ареала в широком понимании этого слова).

То, что в сознание лингвистов постепенно (и до определенной степени неосознанно) входит некий новый архетип, предопределяющий направление всей совокупности языковедческих штудий, кажется достаточно очевидным. Можно, перефразируя название одной из статей Мартина Хайдеггера, сказать, что для науки о языке наступило “время языковой картины мира”», – пишет в своей работе Ю.Л. Воротников [Воротников, 2006: 88–89].

Ю.С. Степанов в фундаментальном «Словаре русской культуры» сравнивает два термина – «концепт» и «понятие» – и высказывает мысль о том, что концепт – это «явление того же порядка, что и понятие», однако далее автор дает более подробную «различительную» характеристику понятию и концепту» [Степанов, 1997: 41]. «**Концепт** – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт это то, посредством чего человек <.. > сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997: 40]. Далее автор дает более подробную «различительную» характеристику понятию и концепту: «У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.» [Степанов, 1997: 41].

В.З. Демьянков в теоретической работе «О понятии и концепте» высказывает такую точку зрения: «Пика употребительности в русском языке *концепт* достиг, когда этот термин начали употреблять в значении ином, чем просто “понятие”, особенно в гуманитарных науках.

Разграничение проходит по следующей линии: *понятия* – то, о чем люди договариваются, их люди **конструируют** для того, чтобы “иметь общий язык” при обсуждении проблем; *концепты* же существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью (не)уверенности. Называя нечто концептом – например, в словосочетании типа: *концепт истины, концепт справедливости* и т. п., – предлагают на соответствующее понятие посмотреть как на предмет реконструкции, как на проблему» [Демьянков, 2010: 32].

Под **концептами**, или **словами-концептами**, мы понимаем лексемы, передающие лингвокультурное содержание с национально-культурным, культурно-историческим, этнокультурным, страноведческим или другим подобным компонентом и являющиеся ключевыми для понимания национального менталитета носителей языка. Концепты участвуют в формировании «наивной» языковой картины мира данного народа.

Из множества проблем, возникающих при изучении культурных концептов, наше внимание привлекает проблема изучения концептов, составляющих национальную специфику языковой картины мира, описания национально маркированных концептов русского словаря, отражающих как национальную картину мира русского народа, так и национальные картины мира других народов в русском языке. В данной статье в качестве иллюстративного материала мы привлекаем в основном тюркские лексические заимствования, тюркизмы, используя для сравнения и заимствования из других языков, и рассматриваем их концептуализацию в русском языке.

Под **тюркизмами** мы понимаем слова или выражения, заимствованные русским языком (вошедшие в систему русского языка или употребляемые в русской речи) из тюркских языков или через их посредство в разные исторические периоды для выражения новых понятий, дифференциации уже имеющихся и обозначения ранее неизвестных русской действительности национально-специфических предметов и явлений. В русском языке широко представлены тюркские заимствования, перешедшие из разных тюркских языков.

Концептуальные иноязычные заимствования, попадая в русский текст, выстраивают культурно-концептуальный ряд, который формирует фрагмент, скажем, тюркской языковой картины мира. Затем в русскую языковую картину мира встраивается, «инкрустируется» фрагмент тюркской языковой картины мира, и таким образом в русском языковом сознании кратко и вместе с тем образно создается представление о жизни другого народа. «Учет взаимодействия языка и культуры позволил исследователям выделить так называемые "ключевые концепты" национальных культур, за которыми стоят важнейшие понятия национального сознания» [Воробьев и др., 2016: 356; см. также: Воробьев и др., 2014; Фаткуллина и др., 2015]. Концептуализированные заимствования становятся своеобразными метками, маркерами в русском тексте.

Национально-культурные концепты отражают менталитет определенного народа или группы близких, родственных народов; например, концепты *изба*, *береза*, *самовар* отражают русский менталитет; *хата*, *галушки*, *гопак* – украинский менталитет; *яранга*, *ягель*, *парка* – менталитет северных народов; *сакля*, *ткемали*, *бурка* – менталитет кавказских народов; *кишлак*, *карагач*, *казан* – менталитет тюркских народов. Можно, конечно, и не использовать в текстах такие маркированные слова, а давать подробную описательную характеристику фрагментам жизни другого народа, что успешно делается в произведениях художественной литературы, особенно в прозе, а можно, наоборот, используя концепты, представленные концептуальными заимствованиями, давать краткие и одновременно яркие характерологические зарисовки из жизни другого народа, что часто можно встретить в

поэтических текстах. Для описания пейзажа, портрета, интерьера в художественном или публицистическом тексте бывает достаточно одного-двух заимствованных слов-концептов, и перед читателем открывается картина той или иной национальной жизни (здесь и далее курсив в примерах наш. – М. О.): «На днях посетил я калмыцкую *кибитку* (клетчатый плетень, обтянутый белым *войлоком*). Все семейство собиралось завтракать. Котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху *кибитки*» (А. Пушкин. Путешествие в Арзрум), «В большом *ауле*, под горою, / Близ *саклей* дымных и простых, / Черкесы позднею порою / Сидят» (М. Лермонтов. Кавказский пленник), «Чад жареной баранины подымался к небу из походной кухни и смешивался с запахом *лаваша* и лилового вина *Изабелла*» (К. Паустовский. Колхида), «Сколько раз, поравнявшись с нами у брода, тарачили они на Дюйшена глаза, проезжая мимо в своих красных *малахаях* и в богатых овчинных шубах, на сытых диких конях» (Ч. Айтматов. Первый учитель), «*Домбра*, как черный лебедь, шеей тянется, крылами бьет! Пинается! – Кричать!.. Как бедуинка над кострами в танце» (О. Сулейменов. Доброе время восхода); «Запах яблок и *плова* / летний воздух смешал, / И сидят *аксакалы*, пьют чай не спеша» (Н. Красильников. Урюковый цвет).

На этих примерах можно наблюдать один из возможных механизмов концептуализации тюркских заимствований в русском тексте. Появившееся в русском тексте тюркское заимствование, которое обозначает характерные понятия жизни тюркских народов, начинает восприниматься как концепт тюркской культуры, и в русском тексте возникает иной мир – мир тюркской культуры. При этом русский текст совсем не обязательно должен быть насыщен тюркскими заимствованиями. Подчеркнем еще раз: бывает достаточно одного-двух концептуальных заимствований, чтобы в воображении читателя возникла тюркская языковая картинка.

Если проанализировать все заимствованные слова и концепты в текстах, то становится очевидным, что не всякое заимствованное слово является национально-культурным концептом. Для того чтобы решить вопрос о способности и возможности заимствованного слова концептуализироваться в языке-реципиенте, надо обратиться к классификации тюркских заимствований по степени их освоенности русским литературным языком, широте распространения и употребительности и проанализировать эти заимствования с точки зрения возможности их свойств стать культурным концептом в языке-приемнике.

Ранее мы говорили, что при классификации тюркизмов русского языка мы делим их на две большие группы: заимствования, освоенные русским языком, и заимствования, не освоенные русским литературным языком, первые из которых представляют собой факты системы языка, вторые – факты речи.

I. Заимствования, о с в о е н н ы е русским литературным языком:

- 1) этимологические заимствования;
- 2) собственно заимствования.

II. Заимствования, н е о с в о е н н ы е русским литературным языком:

- 3) региональные заимствования, или регионализмы;
- 4) локальные заимствования, или локализмы, в том числе окказиональные заимствования.

Устанавливая соотношение, связь и зависимость между заимствованными словами и национально-культурными концептами, классифицируем заимствования на группы по общим свойствам, дадим каждой группе общую характеристику, название и определим тождественность заимствования, входящего в какую-либо из этих групп, концепту по формуле: **заимствование = концепт и/или заимствование \neq концепт.**

Итак, на базе классификации заимствований по степени освоенности или неосвоенности русским литературным языком предлагаем классификацию заимствований по соотношению между заимствованными словами и культурными концептами, или по степени концептуализации заимствований в языке-реципиенте.

I. Заимствования, о с в о е н н ы е русским литературным языком:

1. Этимологические заимствования – лексические единицы русского литературного языка, давно и полностью освоенные литературным языком, являются заимствованиями лишь по происхождению, обозначают универсальные общераспространенные реалии и полностью утратили связь с чужой, иноземной действительностью. Эти слова, естественно, входят в основной словарный состав русского языка, его активный запас, имеют широкое распространение на всей территории функционирования русского языка и зафиксированы русскими толковыми и другими словарями: *алмаз, деньги, карандаш, колбаса, лошадь, сарай, собака, стакан, товар* (из тюрк. яз.) и др.

Этимологические заимствования не выражают специфических явлений и понятий «чужой» культуры, не связаны в сознании с инородной реальностью, в них нет экзотического колорита, они утратили оттенок «чужого», не имеют ассоциаций с культурой другого народа, они стали своими, родными словами в языке-реципиенте, настолько родными, что в некоторых случаях отдельные из них смогли даже стать национальными концептами языка-реципиента: например слова *изба* (<- др.-рус. заимст. из герм. яз.), *сарафан* (<- др.-рус. заимст. из тюрк. яз.), *пельмени* (<- заимст. из финн.-угор. яз.) ассоциируются с русским бытом.

ВЫВОД: **этимологическое заимствование \neq концепт иной культуры** – в большинстве случаев (*деньги, карандаш, колбаса, лошадь, сарай, собака*), **этимологическое**

займствование = **концепт русской культуры** – потенциально возможно, в некоторых случаях (*изба, сарафан*).

2. Собственно заимствования, или общеупотребительные заимствования – лексические единицы русского литературного языка, заимствованные русским языком из других языков для выражения специфических инонациональных реалий, отражающих другую национальную действительность и являющихся характерной для нее. Они так же, как и этимологические заимствования, в основном освоены литературным языком, общеупотребительны и общепонятны, входят в словарный состав русского языка, почти все они включены в толковые или иные словари языка-приемника, однако они находятся на периферии литературной лексики, в ее пассивном запасе в силу «обуженности» своей семантики.

Собственно заимствованные слова выражают инонациональные этнокультурные или конфессиональные явления и понятия и вследствие этого употребляются в языке-приемнике, как правило, в текстах, посвященных национальной тематике (*айва, аллах, аул, бай, казан, мечеть, мулла, отара, паранджа, плов, чабан, юрта* и др.). В этих текстах они выступают в качестве маркеров своей культуры, помечают этот текст и выполняют номинативную и/или стилистическую (эстетическую) функцию.

Эти заимствованные слова выражают специфические явления и понятия «чужой» культуры, связаны в сознании с «чужой», инородной реалией, культурой другого народа или группы народов, живущих в определенном регионе, они имеют экзотический колорит, не утратили оттенок «чужого», имеют ассоциации с определенной культурно-исторической средой, они хотя и вошли в русский язык, но не стали до конца своими словами, оказались словами-приемными в языке-реципиенте: например слово *юрта* (заимст. из тюрк. яз.) – культурный концепт северных народов; слово *паранджа* (заимст. из тюрк. яз. <– араб.) культурный концепт восточных мусульманских народов.

ВЫВОД: **собственно заимствование, или общеупотребительное заимствование = концепт иной культуры** – в большинстве случаев (*юрта, паранджа, казан, отара*). **Собственно заимствование, или общеупотребительное заимствование ≠ концепт иной культуры** – в некоторых случаях (*игрневый, кунжут*). Именно эта вторая группа заимствований – в основном донор для культурных концептов.

II. Заимствования, не о с в о е н н ы е русским литературным языком (этот класс иноязычных слов не все исследователи относят к разряду заимствований, поскольку они находятся за пределами русского литературного языка):

3. Региональные заимствования, или регионализмы, – речевые единицы, не принадлежащие лексической системе русского литературного языка, перешедшие из других

языков и функционирующие в русском языке лишь как факты речи (устной и письменной), слабоусвоенные, территориально ограниченные по употреблению определенным достаточно широким регионом и выражающие национально-специфические понятия и реалии, общие для народов данного региона.

Региональные заимствования выражают инонациональные этнокультурные явления и понятия и вследствие этого употребляются в языке-приемнике, как правило, в текстах, посвященных инонациональной тематике, но во многих случаях, если контекст не семантизирует заимствование, непонятно и неизвестно, с какой реалией они связаны; в этих случаях значения их остаются неясными (*борук, килим, ураса, чомуч, ширдак, яшмак* и др.). В текстах, посвященных местной, национальной тематике, они выступают в качестве маркеров своей культуры, помечают этот текст и выполняют номинативную и/или стилистическую (эстетическую) функцию.

Региональная заимствованная лексика, как правило, отсутствует в словарях русского литературного языка; она может быть помещена в специальные словари иноязычных слов, однако далеко не в полном объеме [Шипова, 1976; Юналеева, 2005; Дмитриев Н.К., 1962; Воробьев и др., 2016; Гальченко И.Е., 1975; Халилов А., 1988; Голетиани Г.Г., 1972; Лаучюте Ю.А., 1972; Назаров О.Н., 1984; Самсонов Н.Г., 1984; Шеломенцева, 1971; Кушлина, 1968, и др.]: *зиндан, каса, хирман, хурджин* и др.

ВЫВОД: региональное заимствование \neq концепт иной культуры – в большинстве случаев (*борук, килим, ураса, чомуч, ширдак, яшмак*); региональное заимствование = концепт иной культуры – потенциально возможно, в некоторых случаях (*зиндан, хирман*).

Заимствования данной группы в большинстве случаев не могут состояться как концепты, но могут стать таковыми в определенном регионе, а в некоторых случаях могут выполнять роль терминов, обозначающих специальные понятия материальной и духовной культуры другого народа (например, *зиндан* ‘тюрьма, построенная в подземелье’).

4. Локальные заимствования, или локализмы (в том числе окказиональные заимствования, или окказионализмы), – речевые единицы, не принадлежащие лексической системе русского литературного языка, перешедшие из других языков и функционирующие в русской устной и/или письменной речи, слабоусвоенные или почти не усвоенные в русском речевом употреблении, в основном непроизводные и ненормативные, малоупотребительные, территориально ограниченные зоной одной республики, области или района и выражающие национально-специфические понятия и реалии, присущие жителям данной республики, области или района: *адай, жуз, кокпар, кыз куу, шабул* – казахские; *боорсок, корундук, кошеге,*

чилде – киргизские; *вахарман, дагдан, дограма, сачак, чокай, яшули* – туркменские; *ашна, махалля, сумалак, сунбул* – узбекские; *сайылык, олонхосут* – якутские.

Локальные заимствования выражают инонациональные этнокультурные явления и понятия и вследствие этого употребляются в языке-приемнике, как правило, в устной разговорной речи, а также в текстах, посвященных местной, национальной тематике, но во многих случаях значения этих слов без специального пояснения остаются неясными (*аскиябаз, кыз-куу, пышты* и др.). Локальная заимствованная лексика практически отсутствует как в словарях русского литературного языка, так и в специальных словарях иноязычных слов.

ВЫВОД: **локальное заимствование** ≠ **концепт иной культуры** – в большинстве случаев (*адай, жуз, кокпар, кыз куу, шабул; боорсок, корундук, кошеге, чилде; вахарман, дагдан, чокай; ашна, сумалак, сун- бул; сайылык, олонхосут*); **локальное заимствование** = **концепт иной культуры** – в редких случаях (*махалля, олонхо*).

Заимствования данной группы в большинстве случаев не могут состояться как концепты, но могут стать таковыми в определенном узком регионе, а в некоторых случаях могут выполнять роль терминов, обозначающих специальные понятия национальной материальной и духовной культуры (например, *кяриз* ‘подземная система водосбора’).

Следует отметить, что границы между подгруппами неосвоенных тюркизмов нечеткие, размытые, в некоторых случаях трудно установимые вследствие их возможной изменчивости. Об этом свидетельствуют и наблюдения А.Н. Баскакова, относящиеся к вышеперечисленным группам заимствованных слов: «Все указанные лексические группы, – пишет А.Н. Баскаков, – находятся друг с другом в субординационных отношениях – заимствования из тюркских языков в русский литературный язык поступают преимущественно из числа региональных заимствований, фиксируемых и функционирующих в периодике, художественной или научно-технической литературе, издающейся на русском языке в республиках, т.е. в основном через письменные формы речи. Региональные заимствования пополняются из двух источников: непосредственно из литературных тюркских языков, из различных их функциональных стилей, а также из числа локальных заимствований, бытующих в русских старожильческих диалектах и окказионально функционирующих в устной речи русских, постоянно проживающих в условиях иноязычной языковой среды. Следует подчеркнуть, что как региональные заимствования, так и тем более заимствования, вошедшие в словарь литературного русского языка, пополняются в основном благодаря национально-русскому двуязычию, осуществляющемуся на уровне литературных – русского и тюркских языков. Что касается локальных заимствований, т.е. заимствований из диалектов и говоров русского и тюркских языков, то в настоящее время повсеместного развития

литературных языков они не имеют перспектив для развития и не являются резервами пополнения лексического состава литературного русского языка» [Баскаков, 1987].

В отношении концептов и образуемых ими концептуальных полей мысль о нечеткости границ между последними высказывает В.А. Виноградов в работе, посвященной взаимодействию языка и культуры: «Границы концептуальных полей нерезки и подвижны, а это означает, что в поле концепта могут втягиваться новые элементы, и сила аттракции прямо пропорциональна мощности концепта и массе его поля. Источником расширения того или иного концептуального поля и даже самой концептосферы могут стать культурные контакты...» [Виноградов, 2010: 14].

Подытоживая проведенную классификацию заимствованных слов по степени концептуализации их в русском языке, отразим наши результаты для наглядности в виде таблицы (см. табл. 4).

Еще один вопрос, связанный с этой темой, требует обсуждения, но мы в данной работе сможем его только обозначить. Это вопрос первичности появления в языке-приемнике основных наших понятий «заимствования» и «концепта»: что переходит из одного языка в другой – иноязычное заимствование, которое впоследствии концептуализируется в языке-приемнике, или непосредственно сам национально-культурный концепт, который заимствуется из языка-донора в готовом виде со всеми его характеристиками.

Таблица 4.

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА	
заимствования освоенные	
не концепт	концепт
1. Этимологическое заимствование – не концепт иной культуры (в большинстве случаев): <i>деньги, карандаш, колбаса, лошадь, сарай, собака</i> 2. Собственно заимствование, или общеупотребительное заимствование , – не концепт иной культуры (в некоторых случаях): <i>игрневый, кунжут</i>	1. Этимологическое заимствование – концепт русской культуры (в редких случаях): <i>изба, сарафан</i> 2. Собственно заимствование, или общеупотребительное заимствование , – концепт иной культуры (в большинстве случаев): <i>юрта, паранджа, казан, отара</i>
заимствования неосвоенные	
не концепт	концепт
1. Региональное заимствование – не концепт иной культуры (в большинстве случаев): <i>борук, килим, ураса, чомуч, ширдак</i> 2. Локальное заимствование – не концепт иной культуры (в большинстве случаев): <i>адай, кокпар, кыз-куу, шабул; боорсок, корундук, кошеге, чилде; вахарман, дагдан, чокаи; ашина, сумалак, сунбул; сайылык, олонхосут</i>	1. Региональное заимствование – концепт иной культуры (в некоторых случаях): <i>зиндан, хирман</i> 2. Локальное заимствование – концептиной культуры (в редких случаях): <i>махалля, олонхо</i>

В лингвистических работах высказываются обе точки зрения. Нам представляется не очень целесообразным исходить из постулата о заимствовании концептов и принимать это без доказательств. Столь умозрительное построение требует серьезных обоснований.

На наш взгляд, концепты могут возникать только на родной почве своего национального языка и культуры на базе как исконных слов-понятий (что происходит в большинстве случаев), так и заимствованных слов (что происходит только с избранными словами), и, как мы постарались показать в своей работе, на базе не любых заимствованных слов, а заимствований, освоенных литературным языком, общеупотребительных и общепонятных, вошедших в словарный состав принявшего их языка, при этом выражающих инонациональные этнокультурные или конфессиональные явления и понятия и имеющих ассоциации с определенной культурно-исторической средой.

Литература

- Акуленко В.В. (1980). Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков. Антология исследований культуры (1977). Т. 1. СПб.
- Апресян Ю.Д. (1999). Теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия РАН. Сер. литературы и языка. № 4.
- Аскольдов С.А. (1997). Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia.
- Баскаков А.Н. (1987). Значение тюркских языков <...> в развитии лексики русского языка // Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. М.
- Бирюкова С.К. (1999). Словарь культуроведческой лексики русской классики. По литературным произведениям школьной программы. М.
- Валенцова М.М. (1999). Терминология хлебов в календарной обрядности чехов и словаков. Типы мотивации // Славянское и балканское языкознание. [Вып. 13]. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. (1983). Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд. М.
- Виноградов В.А. (2010). О единстве и взаимодействии языка и культуры // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е. П. Чельшева. М.: Азбуковник.
- Володарская Э. Ф. (2001). Заимствование как универсальное лингвистическое явление // Вопр. филологии. № 1 (7).
- Воробьев В.В., Морозкина Е.А., Сулейманова А.К., Фаткуллина Ф.Г. (2015). Словарь тюркизмов: история и современность. Уфа: РИЦ БашГУ. 264 с.
- Воробьев В.В., Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. (2016). Триада язык – культура – личность как основа современной лингвокультурологии // Вестник Башкирского ун-та. Т.21. № 2. С.355–359.
- Воробьев В.В., Сулейманова А.К., Фаткуллина Ф.Г., Хайруллина Р.Х. (2014). Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана. Монография. Уфа: РИЦ БашГУ. 208 с.
- Воротников Ю.Л. (2006). «Языковая картина мира»: трактовка понятия // Знание. Понимание. Умение. № 2.

- Гальченко И.Е. (1975). Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе.
- Голетиани Г.Г. (1972). Грузинская лексика в русском языке: Краткий тематический словарь. Тбилиси.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. Т. 1–4 (1880–1882): Т. 4. (1882).
- Демьянков В.З. (2001). *Понятие и концепт* в художественной литературе и в научном и языке // Вопросы филологии. № 1.
- Демьянков В.З. (2010). О понятии и концепте // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е. П. Чельшева. М.: Азбуковник.
- Дмитриев Н.К. (1962). Глоссарий // *Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков*. М.
- Колесник Н.Г. (2021). Новейшие украинские заимствования в современном русском языке [Электронный ресурс] // *Социолингвистика*. 2021. № 4 (8). Доступно в: [http:// sociolinguistics.ru](http://sociolinguistics.ru)
- Крысин Л.П. (1968). Иноязычные слова в современном русском языке. М. Культурология. XX век: Словарь (1997). СПб.
- Кушлина Э.Н. (1968). Словарь местных слов в русской печати Узбекистана и Таджикистана // *Кушлина Э.Н. Таджикские и узбекские слова в русском языке*. Душанбе.
- Латифов Д.Л. (2006). Этнопедагогические основы народных традиций Таджикистана // *Известия Академии педагогических и социальных наук*. Вып. 10. Педагогические традиции народов. М.; Воронеж.
- Лаучюте Ю.А. (1972). Словарь балтизмов в славянских языках. Л.
- Лихачев Д.С. (1999). Концептосфера русского языка // *Лихачев Д.С. Раздумья о России*. СПб.
- Маринова Е.В. (2008). Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС».
- Назаров О.Н. (1984). Словарь туркменских слов, встречающихся в русском тексте // *Назаров О.Н. Туркменские слова в русском тексте*. Ашхабад.
- Нерозник В.П. (1997). От концепта к слову. К проблеме филологического концептуализма // *Функциональная лингвистика: прагматика текста*. Симферополь.
- Орешкина М.В. (1994). Тюркские слова в современном русском языке: Проблемы освоения. М.: Academia. 160 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. (2007). Концепт и значение // *Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика*. М.: Изд-во АСТ; Восток-Запад.
- Самсонов Н.Г. (1984). Слова из языков народов Якутии в русских текстах. Якутск: Якут. книжн. изд-во.
- Синячкин В.П. (2002). Концепт ХЛЕБ в русском языке: Лингвокультурологические аспекты описания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
- Степанов Ю.С. (1997). Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.
- Степанов Ю.С. (2001). Константы. Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.
- Трубецкой Н.С. (1999). Вавилонская башня и смешение языков (1923) // *Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана*. М.
- Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К. (2015). Тюркизмы в русской лингвокультуре // *Современные проблемы науки и образования*. № 2 (Ч. 1).
- Халилов А. (1988). Словарь таджикских заимствований в русском языке. Душанбе.
- Шаклеин В.М. (1997). Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М.
- Шеломенцева З.С. (1971). Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе: «Мектеп».
- Шинова Е.Н. (1976). Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата. 392 с.
- Щерба Л.В. (1958). О понятии смешения языков // *Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике*. Т. 1. Л.

- Юналеева П.А.* (2005). Тюркизмы в русской классике: Словарь с текстовыми иллюстрациями. Казань: Изд-во «Таглитмат» Ин-та экономики управления и права. 172 с.
- Ajdukovich, J.* (2008). About notion «transconceptualization» // *Cognitive Modeling in Linguistics. Proceedings of the X-th International Conference.* – Bechichi, Montenegro, September 06–13.

References

- Akulenko, V.V.* (1980). *Internacional'nye jelementy v leksike i terminologii* [International elements in vocabulary and terminology]. Kharkiv. (In Russ.)
- Antologija issledovanij kul'tury* [Anthology of Cultural Studies] (1977). Vol. 1. St. Petersburg. (In Russ.)
- Apresjan, Ju.D.* (1999). *Teoreticheskaja semantika v konce XX stoletija* [Theoretical semantics at the end of the 20th century] // *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka.* No. 4. (In Russ.)
- Askoldov, S.A.* (1997). *Koncept i slovo* [Concept and word] // *Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologija* [Russian literature. From the Theory of Literature to the Structure of the Text: An Anthology] / Pod obshhej redakciej V.P. Neroznaka [Under the general editorship of V.P. Neroznak] / Moscow: Akademia. (In Russ.)
- Baskakov, A.N.* (1987). *Znachenie tjurkskih jazykov <...> v razvitii leksiki russkogo jazyka* [The meaning of the Turkic languages <...> in the development of the vocabulary of the Russian language] // *Vzaimovlijanie i vzaimobogashhenie jazykov narodov SSSR* [Mutual influence and mutual enrichment of the languages of the peoples of the USSR]. Moscow. (In Russ.)
- Birjukova, S.K.* (1999). *Slovar' kul'turovedcheskoj leksiki russkoj klassiki. Po literaturnym i proizvedenijam shkol'noj programmy* [Dictionary of cultural vocabulary of Russian classics. By literary works of the school curriculum]. Moscow. (In Russ.)
- Valentsova, M.M.* (1999). *Terminologija hlebov v kalendarnoj obrjadnosti chehov i slovakov. Tipy motivacii* [Terminology of breads in the calendar rituals of the Czechs and Slovaks. Types of motivation] // *Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie.* Issue 13. *Problemy leksikologii i semantiki. Slovo v kontekste kul'tury* [Slavic and Balkan linguistics. [Issue 13]. Problems of lexicology and semantics. Word in the context of culture]. Moscow. (In Russ.)
- Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G.* (1983). *Jazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo* [Language and culture: Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language]. 3rd edition. Moscow. (In Russ.)
- Vinogradov, V.A.* (2010). *O edinstve i vzaimodejstvii jazyka i kul'tury* [On the unity and interaction of language and culture] // *Reshenie nacional'no-jazykovyh voprosov v sovremennom mire. Strany SNG i Baltii* [Decision national language issues in the modern world. CIS and Baltic countries] / Pod red. akad. E. P. Chelysheva [Ed. by acad. E.P. Chelyshev]. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
- Volodarskaja, E.F.* (2001). *Zaimstvovanie kak universal'noe lingvisticheskoe javlenie* [Borrowing as a universal linguistic phenomenon] // *Voprosy filologii.* No. 1 (7). (In Russ.)
- Vorobyov V.V., Morozkina, E.A., Sulejmanova, A.K., Fatkullina, F.G.* (2015). *Slovar' tjurkizmov: istorija i sovremennost'* [Dictionary of Turkisms: history and modernity]. Ufa: RIC BashGU. 264 p. (In Russ.)
- Vorobyov, V.V., Morozkina, E.A., Fatkullina, F.G.* (2016). *Triada jazyk – kul'tura – lichnost' kak osnova sovremennoj lingvokul'turologii* [Triad language - culture - personality as the basis of modern linguoculturology] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta.* Vol. 21. No. 2. Pp. 355–359. (In Russ.)
- Vorobyov, V.V., Sulejmanova, A.K., Fatkullina, F.G., Hairullina, R.H.* (2014). *Otrazhenie nacional'noj jazykovej kartiny mira v realijah Bashkortostana. Monografija* [Reflection of the national language picture of the world in the realities of Bashkortostan. Monograph]. Ufa: RIC BashGU. 208 p. (In Russ.)

- Vorotnikov, Ju.L. (2006). «Jazykovaja kartina mira»: traktovka ponjatija ["Linguistic picture of the world": interpretation of the concept] // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 2. (In Russ.)
- Galchenko, I.E. (1975). Glossarij leksiki jazykov narodov Severnogo Kavkaza v rusckom jazyke [Glossary of the vocabulary of the languages of the peoples of the North Caucasus in Russian]. Ordzhonikidze. (In Russ.).
- Goletiani, G.G. (1972). Gruzinskaja leksika v rusckom jazyke: Kratkij tematicheskij slovar' [Georgian vocabulary in Russian: Brief thematic dictionary]. Tbilisi. (In Russ.).
- Dal, V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusckogo jazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. 2nd ed. Vol. 1-4 (1880-1882): Vol. 4 (1882)]. (In Russ.).
- Demyankov, V.Z. (2001). Ponjatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom i jazyke [The notion and concept in fiction and in scientific and language] // *Voprosy filologii*. No. 1. (In Russ.).
- Demyankov, V.Z. (2010). O ponjatii i koncepte [About the notion and concept] // *Reshenie nacional'no-jazykovyh voprosov v sovremennom mire. Strany SNG i Baltii* [Decision national language issues in the modern world. CIS and Baltic countries] / Pod red. akad. E.P. Chelysheva [Ed. by acad. E.P. Chelyshev]. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
- Dmitriev, N.K. (1962). Glossarij [Glossary] // *Dmitriev N.K. Stroj tjurckskih jazykov* [The structure of the Turkic languages]. Moscow. (In Russ.).
- Kolesnik, N.G. (2021). Novejšie ukrainkie zaimstvovanija v sovremennom rusckom jazyke [The latest Ukrainian borrowings in modern Russian] [online] // *Sociolingvistika*. 2021. № 4 (8). Available at: [http:// sociolinguistics.ru](http://sociolinguistics.ru). (In Russ.).
- Krysin, L.P. (1968). Inojazychnye slova v sovremennom rusckom jazyke [Foreign words in the modern Russian language]. Moscow. (In Russ.).
- Kul'turologija. XX vek: Slovar' [Culturology. XX century: Dictionary] (1997). St. Petersburg. (In Russ.).
- Kushlina, Je.N. (1968). Slovar' mestnyh slov v rusckoj pečati Uzbekistana i Tadžikistana [Dictionary of local words in the Russian press of Uzbekistan and Tajikistan] // *Kushlina Je.N. Tadžikskie i uzbekskie slova v rusckom jazyke* [Tajik and Uzbek words in Russian]. Dushanbe. (In Russ.).
- Latifov, D.L. (2006). Jetnopedagogičeskie osnovy narodnyh tradicij Tadžikistana [Ethnopedagogical foundations of folk traditions of Tajikistan] // *Izvestija Akademii pedagogičeskikh i social'nyh nauk*. Issue 10. Pedagogičeskie tradicii narodov [Proceedings of the Academy of Pedagogical and Social Sciences. Issue. 10. Pedagogical traditions of peoples]. Moscow; Voronezh. (In Russ.).
- Lauchyute, Ju.A. (1972). Slovar' baltizmov v slavjanskih jazykah [Dictionary of Baltisms in Slavic languages]. Leningrad. (In Russ.).
- Lihachev, D.S. (1999). Konceptosfera rusckogo jazyka [Conceptosphere of the Russian language] // *Lihachev D.S. Razdum'ja o Rossii* [Reflections on Russia]. St. Petersburg. (In Russ.).
- Marinova, E.V. (2008). Inojazychnye slova v rusckoj reči konca XX - nachala XXI v.: problemy osvoenija i funkcionirovanija [Foreign words in Russian speech of the late XX - early XXI century: problems of development and functioning]. Moscow: LLC "Publishing house ELPIS". (In Russ.).
- Nazarov, O.N. (1984). Slovar' turkmenskikh slov, vstrečajushhija v rusckom tekste [Dictionary of Turkmen words found in Russian text] // *Nazarov O.N. Turkmenskije slova v rusckom tekste* [Turkmen words in Russian text]. Ashkhabad. (In Russ.).
- Neroznak, V.P. (1997). Ot koncepta k slovu. K probleme filologičeskogo konceptualizma [From concept to word. To the problem of philological conceptualism] // *Funkcional'naja lingvistika: pragmatika teksta* [Functional linguistics: text pragmatics]. Simferopol. (In Russ.).

- Oreshkina, M.V.* (1994). Tjurkskie slova v sovremennom russkom jazyke: Problemy osvoenija [Turkic words in modern Russian: Problems development]. Moscow: Academia. 160 p. (In Russ.).
- Popova, Z.D., Sternin, I.A.* (2007). Koncept i znachenie [Koncept i znachenie] // Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika [Kognitivnaja lingvistik]. Moscow: Publishing house ACT; East-West. (In Russ.).
- Samsonov, N.G.* (1984). Slova iz jazykov narodov Jakutii v russkih tekstah [Words from the languages of the peoples of Yakutia in Russian texts]. Yakutsk: Yakut book publishing house. (In Russ.).
- Sinyachkin, V.P.* (2002). Koncept HLEB v russkom jazyke: Lingvokul'turologicheskie aspekty opisaniya [The concept of BREAD in Russian: Linguoculturological description aspects]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Abstract of the dissertation ... candidate of philological sciences]. Moscow. (In Russ.).
- Stepanov, Yu.S.* (1997). Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow. (In Russ.).
- Stepanov, Yu.S.* (2001). Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury [Constants. Dictionary of Russian culture]. Ed. 2nd, rev. and additional. Moscow. (In Russ.).
- Trubeckoy, N.S.* (1999). Vavilonskaja bashnja i smeshenie jazykov (1923) [The Tower of Babel and the Confusion of Languages (1923)] // Trubeckoj N.S. Nasledie Chingishana [Legacy of Genghis Khan]. Moscow. (In Russ.).
- Fatkullina, F.G., Sulejmanova, A.K.* (2015). Tjurkizmy v russkoj lingvokul'ture [Turkisms in Russian linguoculture] // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija [Modern problems of science and education]. No. 2 (part 1). (In Russ.).
- Halilov, A.* (1988). Slovar' tadjikskih zaimstvovanij v russkom jazyke [Dictionary of Tajik borrowings in Russian]. Dushanbe. (In Russ.).
- Shaklein, B.M.* (1997). Lingvokul'turnaja situacija i issledovanie teksta [Linguistic and cultural situation and text research]. Moscow. (In Russ.).
- Shelomentseva Z.S.* (1971). Slovar' tjurkizmov v russkom jazyke zhitelej Kirgizii [Dictionary of Turkisms in the Russian language of the inhabitants of Kyrgyzstan]. Frunze: «Mektep». (In Russ.).
- Shipova, E.N.* (1976). Slovar' tjurkizmov v russkom jazyke [Dictionary of Turkisms in the Russian language]. Alma-Ata. 392 s. (In Russ.).
- Shcherba, L.V.* (1958). O ponjatii smeshenija jazykov [On the concept of mixing languages] // Shcherba L.V. Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike [Selected works on linguistics and phonetics]. Vol. 1. Leningrad. (In Russ.).
- Yunaleeva, R.A.* (2005). Tjurkizmy v russkoj klassike: Slovar' s tekstovymi illjustracijami [Turkisms in Russian Classics: Dictionary with Text Illustrations]. Kazan: Taglimat Publishing House of the Institute of Management Economics and Law. 172 p. (In Russ.).
- Ajdukovich, J.* (2008). About notion «transconceptualization» // Cognitive Modeling in Linguistics. Proceedings of the X-th International Conference. - Bechichi, Montenegro, September 06 – 13. (In Eng.)

Орешкина Мария Васильевна – кандидат филологических наук, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1

Эл. адрес: m.oreshk@yandex.ru

Для цитирования: *Орешкина М.В.* Лингвокультурологическое освоение тюркских заимствований в русском языке. [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2022. № 1(9). С. 47–79 (На русск.) DOI: 10.37892/2713–2951-1-9-47-79

For citation: *Oreshkina, M.V.* Linguoculturul development of Turkic borrowings in the Russian language [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 1 (9). Pp. 47–79. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951–1-9-47-79